

Избранница

«...И поднимался ангел все выше и выше на своих золотых крыльях. И плакал он, глядя сверху на гибнущий город. И рассыпались слезы его, превращаясь в сияющие камни...»

Конверт без обратного адреса Света нашла этим утром в своем почтовом ящике. Совершенно, можно сказать, случайно. Писем она не получала уже лет пять, да и газет не выписывала — зачем, если есть телевизор и Интернет? — поэтому и в ящик практически никогда не заглядывала. Ну, разве что время от времени, чтобы выгрести из него пачку никому не нужных политических листовок и рекламных проспектов. А сегодня ее точно магнитом потянуло.

Магнитом оказалось вот это странное письмо. Если бы не ее фамилия, выведенная мелким каллиграфическим почерком на длинном дымчато-сером конверте, Света, пожалуй, решила бы, что письмо — это происки каких-нибудь сектантов, а

Татьяна
Корсакова

так получалось, что послание адресное, именно для нее, Светланы Корнеевой, предназначенное.

Только вот тайный смысл этого «письма счастья» она постичь не могла, как ни пыталась. Какие-то плачущие ангелы, сияющие камни, туманные намеки на приход девы-избранницы и грядущего искупления — все очень аллегорично, путано и почему-то тревожно. Именно колкое, ничем не объяснимое беспокойство в самый последний момент удержало Светину руку, уже тянущуюся к мусорному баку.

«Письмо счастья» казалось не просто странным, оно было загадочным. Расплодившиеся в Москве религиозные секты не стали бы тратить на привлечение новых адептов такую качественную, явно недешевую бумагу и не изъяснялись бы полунамеками. Секты действуют намного прямолинейнее: со свойственной всем подобного рода организациям безапелляционностью вещают о приходе очередного мессии, зазывают на семинары и тренинги. А тут ничего подобного. То, что лежало в конверте, и письмом-то назвать сложно, скорее уж цитатой из какой-то книги или отрывком из дневника.

Разбираться с посланием не было времени: занятия в универе начнутся через полтора часа, а она еще даже не умывалась после работы. Она подумает об этом как-нибудь потом. Возможно, на лекции...

На лекции уделить внимание таинственному посланию тоже не получилось. Стоило Свете развернуть хрусткий, испещренный бисерным почерком лист, как не ко времени активизировалась подружка

Слеза ангела

Ритка. У Ритки случилась любовь с первого взгляда — как минимум пятая за семестр, — и теперь подружке не терпелось поделиться впечатлениями. Впечатления оказались, как всегда, незабываемыми, а кавалер — чистый эксклюзив.

— Прошлый был тоже чистый эксклюзив, — Света зевнула: сказывалась ночь, проведенная на ногах. Ну его к черту, это письмо-счастье, лучше подремать хоть немного.

— Это ты о том мажоре? — Ритка презрительно фыркнула. — Ну сравнила! Тот маменькин сынок, а этот настоящий мужик, солидный, красивый, щедрый.

Щедрый? Это что-то новенькое. Все предыдущие Риткины ухажеры, безусловно, были солидными и красивыми, но вот со щедрыми ей как-то не везло.

— Он меня в такое место водил, — подружка восторженно закатила глаза.

— Какое? — Света спрятала письмо между страницами конспекта, сдвинулась в сторону, так чтобы широкая спина сидящего впереди старосты группы Ивана Рожка загораживала ее от лекционной трибуны, положила голову на скрещенные руки и прикрыла глаза.

— Не могу пока сказать, — подружка перешла на заговорщицкий шепот, — он просил об этом не распространяться.

— Даже мне не скажешь? — Света открыла один глаз.

Татьяна
Корсакова

— Никому, — Ритка сокрушенно покивала головой. — Ты не представляешь, насколько у них там все круто, почти как взаправду.

— Где — там?

— Там, где я была. Ну, в том месте, о котором нужно молчать.

Света вздохнула. Что еще за тайны мадридского двора? Раньше Ритка делилась с ней всем-всем, даже такими интимными подробностями, о которых запросто можно было бы промолчать, а тут такая секретность.

— Корнеева, ты не обижайся. Хорошо? — подружка погладила ее по плечу. — Я там пообвыкнусь, присмотрюсь, а потом, может, он согласится и тебя с собой взять.

— Куда? — Света снова зевнула.

— Туда! Какая же ты непонятливая! Они особенные и почти как настоящие.

— Не нужно меня никуда с собой брать. И вообще, я спать хочу. Отстань, а?

Однако Ритка не отстала. Словкостью фокусника она выдернула из Светиноного конспекта сложенное вдвое письмо и прочла с придыханием:

— И сказал ангел деве: «Ты избрана, и дар мой — отныне ноша твоя». — Подружка черкнула острым ногтем по письму, оставляя на плотной бумаге глубокую царапину. — Корнеева, что это за ерунда такая?

— Не знаю, — спать Свете хотелось намного сильнее, чем разбираться с загадочным посланием. — Сегодня утром достала из почтового ящика.

Слеза ангела

— Почерк такой интересный, с завитушечками, — Ритка склонилась над письмом так низко, что едва не коснулась его кончиком носа. — И чернила странные, — она поскребла ногтем одну из букв, — бурые какие-то.

— Может, выцвели?

— Да ну, выцвели! Бумага-то совсем новая, — Ритка задумчиво посмотрела сначала на свой безупречный маникюр, потом снова на письмо и сказала уверенно: — Корнеева, а письмецо-то кровью писано.

— Ну, конечно, чем же еще, как не кровью, нынче письма писать?! — Света отобрала послание, сунула обратно в тетрадку с конспектами, но перед тем, как сунуть, все ж таки на секунду задержала взгляд на и вправду красно-бурых строчках. То, что писали не шариковой ручкой, — это факт. Ну так ведь и перьевые ручки сейчас не редкость. А чернила... Может, некачественные попались... — Рит, я ночь на ногах. Совесть поимей!

Подруга неодобрительно покачала головой, но развивать тему не стала, и на целых сорок минут Света погрузилась в сладкую дремоту. А потом все пошло наперекосяк. Она так расслабилась, что не заметила, как на втором часу лекции Иван Рожок сменил дислокацию, сдвинувшись в сторону. В результате этих его маневров перед Светой образовалась брешь, а сама она оказалась вся как на ладони.

Татьяна
Корсакова

— Корнеева! — Громогласный бас лектора, который по совместительству был еще и деканом их факультета, грубо вырвал Свету из объятий Морфея.

Она встрепенулась, осоловело посмотрела сначала на лектора, затем на что-то увлеченно калякающую в тетрадке Ритку — паразитка, хоть бы предупредила вовремя! — пнула ногой стул сидящего впереди Ивана. Тоже хорош гусь — о ближних не думает совсем!

— Корнеева, если вы думаете, что здесь вам зал ожидания, то сильно заблуждаетесь, — декан не поленился, выбрался из-за кафедры, сделал пару шагов по проходу и гневно взмахнул здоровенной деревянной указкой. — Это вам не зал ожидания, любезная! Это лекционный зал. И вести себя здесь надлежит подобающе, как в храме науки! А то привыкли у себя там... — он не договорил, но многозначительно пошевелил кустистыми бровями, давая понять, что в курсе Светиной двойной жизни.

Конечно, в курсе! У самого же рыльце в пушку. А может, хватит терпеть эти бесконечные придирки, взять да и слить весь компромат на уважаемого декана его дражайшей супруге? То-то она обрадуется...

— Встать, когда с вами преподаватель разговаривает! — гаркнул декан. Это ж надо, с виду сморчок сморчком, а бас — как у армейского командира, да и замашки соответствующие.

Света бросила еще один убийственный взгляд на притихшую Ритку, медленно встала из-за стола.

— А теперь покиньте аудиторию! — Декан унич-

Слеза ангела

тожающе улыбнулся. — Завтра жду вас у себя с конспектом лекции. И запомните, Корнеева, я сказал — с конспектом лекции, а не с ксерокопией конспекта.

Вот ведь урод! Света смахнула в рюкзак блокнот. Теперь придется потратить два часа на переписывание этой ахинеи. Декан любит, чтобы все было чистенько-красивенько, без сокращений и, упаси господь, без исправлений. Небось еще начнет красной ручкой грамматические ошибки править, извращенец... Она вышла из аудитории, не забыв при этом громко хлопнуть дверью. Глупо, конечно, конфликтовать с администрацией, но по-другому никак, у нее нервы не железные. Ладно, если станет совсем уж неважно, придется-таки прибегнуть к крайним мерам.

В отличие от мрачноватой прохлады университетского холла во дворе было тепло, если не сказать жарко. Света нацепила на нос черные очки, поглубже надвинула бейсболку, уселась в скверике, в уютной тени от развесистых лип, подсунула под ноющую поясницу рюкзак и закрыла глаза...

— ...Корнеева, подъем! Царство небесное проспий! — Кто-то нагло и фамильярно тряс ее за плечо.

Света открыла один глаз, проворчала:

— Изыди, нечистый.

Иван Рожок, а это именно он пытался призвать ее к порядку, совсем не обиделся, присел рядом и сказал ехидно:

— Извини, я как-то забыл, что на лекциях ты все время спишь. Увлелся.

Татьяна
Корсакова

— Увлекся он. — Света потянулась. — А меня из-за твоих увлечений с лекции турнули.

Иван многозначительно хмыкнул, но в полемику предпочел не вступать и спросил вполне миролюбиво:

— А чего он до тебя докопался?

— Кто?

— Декан.

— Работа ему моя, понимаешь ли, не нравится.

— А он знает, где ты работаешь?

— Как видишь. — Света, покрутив головой, запоздало поинтересовалась: — А Ритка где?

— Отпросилась. Занемогла наша красавица.

— Да что ты говоришь?! — Света всплеснула руками. — А на лекции была здоровее всех здоровых.

— Вот и училась бы у нее, как сухой из воды выходить, — посоветовал Иван. — Ритка никогда ни с кем не конфликтует. Не учит же ни хрена и при этом крепкая хорошистка. А все почему? — Он поднял вверх указательный палец. — Потому что понимает, что такое человеческий фактор.

— Человеческого фактора, Ваня, мне на работе выше крыши хватает, — Света решительно встала. — Пойдем, а то на пару опоздаем.

На пару они не опоздали, но Свету это не спасло. Интуиция не зря нашептывала, что если утро началось не с дуги, то и весь день пойдет наперекосяк. Так оно и вышло. В расписании занятий произошли изменения, и вместо милейшей Евгении Евгеньевны в аудиторию заявила Мария Сановна, мымра, каких поискать, и, между прочим, супруга декана.

Слеза ангела

Она окинула разом сникшую компанию орлиным взором, причем Свете показалось, что на ней взор задержался дольше, чем на остальных. Ох, не к добру это...

Интуиция не подвела. Вместо опроса Марья Сановна устроила фейсконтроль. Естественно, ей не понравился именно Светин фейс.

— Корнеева, что у вас с лицом? — прошипела она.

Вообще-то, с лицом у нее было все более или менее нормально, если не принимать во внимание синяки под глазами, появившиеся после бессонной ночи.

— А что с моим лицом? — на всякий случай уточнила Света.

— Оно у вас, как... — Марья Сановна не договорила, уставившись теперь на ее руки.

Руки как руки. Ну да, маникюр ярковат, но его в универе еще никто не запрещал, как и синяки под глазами. Можно подумать, ей самой так уж нравится алый лак. Это все издержки профессии — ее руки всегда должны находиться в идеальном состоянии и обращать на себя внимание в том числе ярким маникюром. Конечно, вернувшись домой, лак стоило стереть, но теперь уже что...

— Извольте покинуть аудиторию, — Марья Сановна взмахнула рукой в направлении двери.

— Почему? — Вот дурная у нее привычка докапываться до сути вещей. И без того же ясно — почему. Потому что эта мымра имеет на нее зуб. Наверняка супругник наябедничал.

Татьяна
Корсакова

— Потому что ваш внешний вид не соответствует высокому званию российского студента, — отчеканила Марья Сановна.

— Что-то я не видела в университетском уставе пункта, касающегося цвета ногтей, — буркнула Света, недовольно косясь на делающего ей предупредительные знаки Ивана.

— Корнеева, вам что-то не нравится? — Марья Сановна растянула губы в недоброй улыбке. — Так сходите в деканат, пожалуйте на преподавательский производ.

Вот, значит, как! Выходит, у них там не только семейный подряд, но еще и круговая порука! Ладно, видит бог, она не хотела опускаться до грубого шантажа, но если миром не получается...

Света собрала вещи, посмотрела на застывшую каменным истуканом Марью Сановну.

— Всего хорошего! — В конце концов, ей же еще и лучше, сейчас поедет домой и выспится наконец по-человечески.

— Рано расслабились, Корнеева, — Марья Сановна мстительно блеснула очами. — Встретимся в субботу на отработке!

Все, если у Светы еще оставались сомнения, то после этих слов они рассеялись как предрассветный туман. Сегодня же надо будет попросить Лешку, чтобы сбросил ей на диск запись, на которой пьяный в зюзю декан обнимается с девицей легкого поведения и просаживает денежки из семейного бюджета за игральным столом. А на что он рассчитывал?! Думал, что будет ее прессовать, а она и отве-

Слезка ангела

титель не сможет? Забыл, видать, старый хрыч, что в казино ведется постоянное видеонаблюдение. Хорошо бы Лешка работал сегодня в ночную смену, потому что с его напарником договориться не получится, а время идет, и хотелось бы к завтрашней встрече с деканом быть во всеоружии.

Несмотря на то что до полудня оставалось еще много времени, солнце уже палило вовсю. Света чертыхнулась, достала из рюкзака бейсболку, надвинула ее на самый нос. С солнцем у Светы с детства были очень сложные отношения. Солнце ее не любило, ну и она, разумеется, отвечала ему взаимностью.

А о какой любви может идти речь, когда ты — альбинос, и солнечный свет для тебя не то чтобы смертелен, но достаточно неприятен? Это только обывателям кажется, что альбинизм — чисто косметический дефект, а на самом деле проблема куда серьезнее. Светлую кожу можно запудрить или замазать тональным кремом. Волосы, брови и ресницы — покрасить. Проблема с чересчур светлыми, до прозрачности, глазами решается с помощью цветных контактных линз. Принимая во внимание арсенал имеющихся у современной женщины косметических средств, устранить недостатки во внешности легко. Основная же неприятность заключается в другом: в повышенной светочувствительности. Кожа, лишенная меланина, стораёт практически мгновенно, покрывается волдырями, потом очень долго шелушится. Примерно та же беда творится с глазами: от солнечного света на сет-